

К СПОРАМ О ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Б. Ф. Поршнев

Статья автора этих строк «Материализм и идеализм в вопросах становления человека», опубликованная в № 5 журнала «Вопросы философии» за 1955 г., вызвала большие споры. Она обязана этим, конечно, не каким-нибудь своим особым качествам, а тому, что затронула вопрос, разногласия по которому уже давно являются глубокими и серьезными, но не вполне выявленными. Высказанная мною точка зрения подверглась критике с весьма различных позиций, и теперь яснее видно, какие же концепции и тенденции налицо в советской науке по вопросам становления человека и человеческого общества.

Предлагаемый ответ критикам имеет ограниченную задачу. Прежде всего, раз полемика началась, мне представляется важным выяснить научное существо разногласий, отстранив все, что привнесено в нее полемическим задором и затемняет это существо. Далее, для того, чтобы дискуссия впредь могла быть плодотворной, надо в соответствии с требованиями логики постараться договориться о содержании, вкладываемом спорящими сторонами в некоторые общие понятия.

Для выяснения научного существа разногласий вынесем сначала за скобку то, с чем согласны все участники дискуссии. Такими общими для всех советских исследователей посылками являются, с одной стороны, дарвинизм с его выводом о происхождении человека от обезьяны, с другой — учение Энгельса о роли труда в этом процессе превращения обезьяны в человека. Столь же неоспоримо для всех нас, что мир биологических закономерностей и мир социальных закономерностей представляют собою качественно различные, не сводимые друг к другу формы движения материи, что нельзя, следовательно, ни «биологизировать» общественную жизнь, ни «социологизировать» жизнь природы. Наконец, марксистский диалектический метод вооружает всех нас неоспоримой идеей о том, что переход от обезьяны к общественному человеку следует рассматривать не как мгновенное превращение, а как результат длительного процесса, переходного периода.

Далее начинаются разногласия: где именно, в каких антропологических и археологических эпохах следует видеть начальную ступень этого переходного периода и где, в чем — его завершающую ступень. Высказанные в нашей литературе различные взгляды можно свести к четырем основным ответам на этот вопрос.

Одну концепцию можно условно назвать концепцией археологов (хотя не все археологи ее разделяют). Она отражена в работах А. П. Окладникова, А. Я. Брюсова и др. Согласно этой точке зрения, начало переходного периода следует видеть в употреблении обезьяновидными предками человека типа австралопитеков естественных орудий (необработанных амней, костей, палок); время же появления древнейших искусственно изготовленных каменных орудий надлежит расценивать как завершающий уикт переходного периода. После этого момента речь может идти об остатках, о пережитках животного состояния предков человека, но в ос-

новном общественный человек уже возник, стал в решающих чертах таким, каким он остается и на протяжении всей своей дальнейшей истории. Недостаток этой концепции состоит, между прочим, в том, что она практически почти исключает возможность изучения переходного процесса: ведь «естественные орудия» археология отличать не может, анатомическим же изменениям ископаемых видов гоминид тут не придается принципиального значения, поскольку питекантропы, неандертальцы, неантропы поставлены по сю сторону границы. Словом, переходный процесс отодвигается в такую сферу, для изучения которой недостает источников и познавательных средств. Соответственно центр тяжести данной концепции лежит не столько в положительной конкретной разработке вопросов перехода от обезьяны к общественному человеку, сколько в отстаивании тезиса о недопустимости искать эти переходные явления и процессы после указанной границы — после появления первых искусственно изготовленных орудий.

Концепция археологов в силу указанной причины менее трех остальных подтверждена фактами. Она давно уже вызывает и конкретные и философско-теоретические возражения, в частности со стороны антропологов. Поэтому в настоящее время нет никаких оснований утверждать, что она является у нас общепризнанной, «единственно правильной», как это делают А. П. Окладников и П. И. Борисковский¹.

Вторая концепция может быть условно названа концепцией антропологов (хотя ее придерживаются не все антропологи). Она представлена в работах Я. Я. Рогийского, М. Г. Левина, В. П. Якимова и др. Антропологи видят в начале изготовления орудий не завершающую, а, напротив, исходную или весьма раннюю ступень переходного периода. Завершающей же гранью они считают возникновение человека современного физического типа (*homo sapiens*), «готового человека», что, по археологической периодизации, соответствует довольно высокой ступени развития орудий — позднему (верхнему) палеолиту. Эта концепция исходит из того, что, поскольку еще шла физическая эволюция гоминид (а именно: питекантропов сменили неандертальцы, последних — люди современного типа, неантропы), постольку надо признать, что еще действовали законы биологической эволюции, то есть прежде всего закон естественного отбора, и, следовательно, законы общественного развития еще не господствовали. Снятие же биологических законов общественными означает прекращение действия естественного отбора и формирования новых видов.

Несомненно, что концепция антропологов солидно обоснована с естественнонаучной стороны. Однако социологический и психологический анализ антропологами процессов зарождения общества и общественного человека не может удовлетворить.

Третья и четвертая концепции исходят из того, что появление древнейших искусственных каменных орудий не должно расцениваться вообще ни как завершающая, ни как начальная веха переходного периода и что следует искать другие признаки и критерии для определения его начала и конца. Сторонники третьей и четвертой концепций пытаются привлечь, кроме археологических и антропологических фактов, данные и методы других наук. Но они идут совершенно различными путями.

Третью концепцию мы условно назовем концепцией философов, ибо она представлена в основном в работах нескольких философов: Ю. И. Семенова, М. В. Туровского и др. Но по направленности интереса ее

¹ Статья А. П. Окладникова и П. И. Борисковского «О времени и условиях становления человеческого общества» («Вопросы истории», 1956, № 11), где так ставится вопрос, метит тем самым не только в мою указанную статью, но косвенно и в другие работы, например, в статью М. Г. Левина, Б. Ф. Поршнева и В. В. Струве «Против антинаучных теорий возникновения и развития человеческого общества» («Коммунист», 1955, № 9), в которой высказаны взгляды, отличные от их «единственно правильной» точки зрения.

можно назвать попыткой создания эволюционной психологии труда. Эта концепция значительно расширяет границы переходного периода сравнительно с обеими предыдущими. Начало его и главный качественный рубеж она усматривает в некоторых особенностях высшей нервной деятельности антропоморфных обезьян — в их «исследовательской деятельности», «орудийной деятельности» и т. д. Эти особенности, содержащиеся в себе как потенцию всей дальнейшей эволюции труда, затем диалектически развиваются через ряд этапов до собственно человеческого труда. Завершающий пункт всего этого переходного периода данная концепция, как и концепция антропологов, усматривает в возникновении «*homo sapiens*», в переходе от среднего палеолита к позднему (верхнему).

Положительная сторона «концепции философов» состоит, между прочим, в том, что она базируется на еще одном обширном круге эмпирических фактов — на науке, изучающей поведение и физиологию высшей нервной деятельности антропоидов. Минусом же этой концепции является то, что она фактически отодвигает на второй план проблему общества, имеет в центре внимания не общественные отношения, а отношения индивида к природной среде. Все оговорки Ю. И. Семенова о необходимости рассматривать эволюцию труда «в связи» с историей формирования общества только подчеркивают, что дело идет, по существу, о двух субстанциях, из которых вторая, общественная, здесь специально не изучается².

Четвертая концепция, напротив, на первый план ставит именно вопрос о возникновении общества, общественных отношений как новой формы движения материи. Поэтому ее можно условно назвать концепцией социологов. Она представлена в работах М. П. Жакова, В. Ф. Поршнева³. Эта концепция как раз заострена против замены вопроса об обществе вопросом о труде; труд для нее является лишь естественно-технической стороной общественного производства, то есть категорией, не раскрывающей сущности вопроса о высшей форме движения материи. Труд рассматривается этой концепцией также и как важнейшая предпосылка возникновения общества. Соответственно «концепция социологов» утверждает, что переходный период начинается не со времени древнейших засвидетельствованных следов труда четвертичных гоминид, а позже, когда эта предпосылка накопились и привела на известной ступени к возникновению высшей формы движения материи — общественных отношений, управляемых качественно особыми общественными законами. Переходный период длится, пока эти последние развиваются от зачатков до победы и утверждения.

Каким археологическим и антропологическим векам соответствует начальная и завершающая ступень переходного периода по «концепции социологов»? Что касается М. П. Жакова, он ограничился принципиальной постановкой вопроса и высказал лишь предположение, что начальная дата возникновения общества лежит после нижнего палеолита и что вскоре исследователи смогут указать конкретные археологические рубежи⁴. Предложенный же мною ответ, к сожалению, подвергся искажению в ходе полемики.

Одни критики добросовестно и объективно излагали оспариваемую

² Ю. И. Семенов. Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества). «Ученые записки» Краснодарского государственного педагогического института. Т. VI, вып. 2. 1956.

³ Статьи М. П. Жакова, опубликованные в 1934 г. в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ» (№№ 5 и 6), были мне неизвестны. Благодаря напоминанию Ю. И. Семенова я убедился, что М. П. Жаков отстаивал двадцать лет назад во многом сходное с моим понимание ряда коренных положений марксистской теории, касающихся происхождения человеческого общества. Это совпадение укрепляет меня в убеждении, что, как бы ни оспаривались эти идеи, они будут возрождаться снова и снова, так как их, по моему мнению, требует внутренняя логика марксизма.

⁴ М. П. Жаков. Труд, техника и отношения производства возникающего общества. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 6, стр. 20.

ими точку зрения⁵. Другие не удержались от приписывания мне взглядов, которых я не высказывал и не придерживаюсь⁶. Такая полемика, как давно известно, не двигает науку вперед, ибо она не является борьбой действительно существующих научных мнений. Наконец, в некоторых случаях критики неверно поняли меня просто потому, что в указанной статье вопрос, ставший главным предметом дискуссии, то есть вопрос о времени перехода от животных к общественному человеку, едва затронут.

Последнее обстоятельство требует разъяснений. Основной темой моей статьи был совсем другой вопрос: обоснование необходимости ряда чисто биологических исследований о животных предках человека, без чего, по моему убеждению, невозможно дальнейшее движение вперед научной разработки проблемы возникновения человеческого общества и человеческого сознания. Моя задача состояла в том, чтобы показать неправомочность помех, воздвигаемых на пути биологических исследований кануна человеческой истории, то есть исследований в области экологии и физиологии тех животных, от которых произошел человек. Неосновательность некоторых обвинений в «ревизии марксизма», рассмотренных мною в качестве примеров, теперь показана; исследования эти будут выполнены.

Вопросы же о том, когда именно кончается биологический канун человеческой истории и начинается борьба биологических и социальных закономерностей, когда именно борьба завершается победой последних, — эти вопросы не входили в план указанной моей статьи. Я писал: «Настоящая статья имеет целью, не предлагая того или иного решения вопроса о времени возникновения общества, лишь содействовать устранению некритически повторяемых догм, мешающих исследованию этого вопроса. Изучение перехода от стада к обществу, от инстинктивного человека к сознательному — темы для других статей» («Вопросы философии», 1955, № 5, стр. 153). Здесь заявлено достаточно определенно, что своих взглядов на возникновение человеческого общества я в этой статье не излагал. Дальше еще раз говорится: «Трудно представить себе более сложную и волнующую задачу для науки, чем конкретное исследование возникновения человеческого общества и человеческого сознания... Первой предпосылкой для дальнейших успехов науки о становлении человека и об-

⁵ Примером может служить статья Я. Я. Рогинского «О некоторых общих вопросах теории антропогенеза» («Вопросы философии», 1957, № 2), где мой взгляд передан точно. К сожалению, в более ранней статье Я. Я. Рогинского, «Некоторые проблемы происхождения человека» («Советская этнография», 1956, № 4), моя позиция была охарактеризована ошибочно, что вызвало с моей стороны реплику: «Еще к вопросу о становлении человека» («Советская антропология», 1957, № 2).

⁶ Примером может служить статья А. П. Окладникова и П. И. Ерисковского «О времени и условиях становления человеческого общества». Статья эта представляет собою доклад, прочитанный и обсужденный в моем отсутствие на сессии Отделения исторических наук и Института истории материальной культуры АН СССР в Ленинграде в апреле 1956 года. Ознакомившись с текстом доклада, я сделал заявление в секции палеолита указанной сессии о том, что мои взгляды искажены. Тем не менее авторы опубликовали доклад без существенных изменений. Другим примером может служить статья О. Н. Бадера, А. Я. Брюсова, С. В. Киселева и А. Н. Формозова «Некоторые вопросы возникновения человеческого общества» («Советская археология», 1957, № 1). Эта статья представляет собою сводку выступлений указанных авторов на заседании сектора неолита и бронзы ИИМК АН СССР в январе 1956 г., посвященном обсуждению моей статьи. На это заседание я тоже не был приглашен. Таким образом, авторы, критикуя меня заочно, облегчили свою задачу: они могли приписывать мне мысли, которых я не высказывал. Излишне запальчивый характер двух названных статей связан, может быть, с тем, что их авторы трактуют мое выступление как «обвинение» всех советских археологов. Между тем в статье нигде речь не идет огулом о всех археологах. Там в самом отвлеченном виде подвергнуты критике и сопоставлению с зарубежными научными течениями некоторые взгляды и тенденции, встречающиеся среди археологов. Трактовать даже это как «обвинение» — значит сделать невозможной какую бы то ни было борьбу идей в нашей науке. Из советских археологов в моей статье вообще упоминался один А. Я. Брюсов, — в связи с тем, что он без достаточно веских оснований действительно обвинил в «ревизии марксизма» антропологов Я. Я. Рогинского и В. П. Якимова (см. «Вестник древней истории», 1953, № 2).

щества является как можно более точная реконструкция условий жизни ближайших животнообразных предков современного человека» (указ. соч., стр. 155). Здесь тоже ясно дано понять, что в настоящей статье я не только не предлагаю решения вопроса о возникновении человеческого общества, но говорю лишь о предварительных задачах и предпосылках для его решения. Правда, я не смог обойти молчанием некоторые из археологических признаков, сигнализирующих, по моему мнению, о существовании общества, а следовательно, попутно все-таки затронул вопрос о времени возникновения общества. Но вопроса об условиях, причинах, закономерностях возникновения общества я в этой статье совсем не касался. А то немногое, что у меня сказано о времени возникновения общества, сопровождается оговоркой, что вопрос этот, в сущности, выходит за рамки данной статьи и что приведенные наблюдения дают право лишь на «предположительный», то есть не доказанный в самой статье, вывод (указ. соч., стр. 153). Таким образом, полемика развернулась не вокруг основного содержания статьи (в частности, понятия «инстинктивный труд», охотно заимствованного из этой статьи большинством критиков), а вокруг положения, которое в этой статье почти вовсе не аргументировано⁷. Это облегчило критикам его «толкование» по-своему.

В статьях как О. Н. Бадера, А. Я. Брюсова и др., так и А. П. Окладникова и П. И. Борисковского моя позиция изложена в полном противоречии с моими высказываниями и представлениями, будто вплоть до верхнего палеолита еще не было и зачатков общества. «Б. Ф. Поршнев стремится доказать... что история производства и человеческого общества начинается только с возникновения вполне сложившегося, полноценного человека, каковым является ископаемый *homo sapiens* и его позднепалеолитическая культура, его родовое общество, религия, искусство и т. д.»⁸. «Таким образом, по взглядам Б. Ф. Поршнева, весь путь развития человека и его культуры до верхнего палеолита шел вне общества и вне социальных закономерностей. Это была область не истории, а биологии. Люди, общество и труд возникли в конце мустьерской эпохи, около 30 тыс. лет тому назад, сразу в законченном виде, человек как *Homo sapiens*, общество же — в виде материнского рода»⁹. Авторы далее странно опровергают «эти утверждения» и доказывают, что они «ни на чем не базируются». Но ни я, ни, насколько мне известно, кто-либо другой никогда не утверждал и не стремился доказать что-либо подобное.

Замечая, что мои действительные высказывания не укладываются в их интерпретацию, мои критики меня же винят за это в непоследовательности. Так, А. П. Окладников и П. И. Борисковский заявляют, что я «на словах» отстаиваю мысль о наличии переходного периода между человеком и животным, а «на деле» отрицаю его¹⁰. Точно так же О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов и др. пишут: «Впрочем, сам Б. Ф. Поршнев почувствовал себя не в состоянии отстаивать тезис о том, что нижнепалеолитические орудия развивались только в силу биологических особенностей человека, что причиной их изменения было развитие биологических видов предков человека и что только в пределах истории *homo sapiens* начинается развитие общественного производства и орудий труда в полном смысле этого сло-

⁷ Нельзя сказать, чтобы я отложил изложение своей точки зрения на происхождение общества «до греческих календ». Весной 1956 г. я прочел доклад «Проблема возникновения человеческого общества» на «социологических чтениях» Института философии АН СССР и доклад «Предистория второй сигнальной системы (Проблемы палеонсихологии)» в Институте антропологии Московского государственного университета. Эти доклады были открытыми, приглашены были и московские археологи, к числу которых принадлежат и авторы второй из указанных выше критических статей — О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов и др. Однако на моих докладах они не присутствовали и поэтому не имеют достаточного представления о критикуемой ими концепции.

⁸ О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов и др. Указ. соч., стр. 256.

⁹ А. П. Окладников, П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 80.

¹⁰ См. там же.

ва. Очевидно, под давлением тех же археологических фактов Б. Ф. Поршнев на стр. 152 вынужден оговориться, что орудия в полном смысле этого слова «впервые спорадически появляются в среднем палеолите (в развитии или позднем мустье)», то есть в период существования неандертальца, человека другого вида»¹¹. «Тезис», который якобы я отстаиваю, мне совершенно чужд, а «оговорка» взята из подлинного текста моей статьи. Другая подобная «оговорка», на стр. 153, указывает на появление в среднем мустье первых искусственных захоронений, косвенно свидетельствующих о том, что в это время уже существует общество (но не религия).

Отсылая читателя к этим двум бегло отмеченным фактам, я и выдвинул свой «предположительный» тезис о том, что зачатки общества возникают не позже середины мустьерской эпохи. Я писал, что названием Homo instinctivus, то есть дообщественный человек, могут быть охвачены: «питекантропы, синантропы, гейдельбержцы, а также ранние формы неандертальцев» (стр. 153); под ранними формами неандертальцев разумеются те неандертальцы, которые жили еще в конце ашельской или в самую начальную пору мустьерской эпохи. Как видим, я отнюдь не относил всех неандертальцев (мустьерцев) к дообщественным существам¹². Напротив, именно на мустьерскую эпоху я и указал как на вероятное время формирования человеческого общества и общественного человека: «Наш предок вступил в мустьерскую эпоху еще животнoобразным существом, человекоподобным животным, а вышел из нее человеком, общественным существом. Если в философском смысле это был решающий поворот, «скачок», «перерыв постепенности», то хронологически это был процесс, длившийся десятки тысяч лет» (там же). Но и этот процесс я считаю только первой половиной переходного периода. Как вторую половину переходного периода я указал поздний (верхний) палеолит, когда борьба социальных и биологических закономерностей происходила при преобладании первых, но, по моему мнению, еще мощно проявлялась и дообщественная инерция.

Таким образом, мои оппоненты подвергли критике не мою, а иную точку зрения, которую я не имею причин защищать.

Но на один упрек необходимо ответить. О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов и др. утверждают, что я, по их выражению, якобы «отпрепарировал» в угоду своей концепции высказывание Ленина в работе «Государство и революция» о ступенях развития первобытного человечества. Я якобы выбросил из трех ступеней, перечисляемых Лениным: а) стадо обезьян, берущих палки, б) первобытные люди, в) люди, объединенные в клановые общества,— среднее звено (первобытные люди) как не соответствующие моей концепции, а к третьему звену дал пояснение, противоречащее смыслу слов Ленина.

Но чем доказывают критики, что я выбрасываю среднюю ступень? У меня сказано: это был долгий путь от состояния «стада обезьян, берущих палки», до состояния «людей, объединенных в клановые общества». Не ясно ли, что тут дело идет именно о среднем звене: это был долгий путь не обезьян (хотя бы стоящих на пороге труда) и не людей, объединенных в роды, а существ, находящихся между этими крайними точками, «промежуточных существ», «формирующихся людей», по выражениям Энгельса, «инстинктивных людей», «дикарей», «первобытного стада», «первобытных людей», по выражениям Ленина. У меня не было никаких причин выбрасывать из ленинской схемы этих «первобытных людей» в угоду своей концепции, так как вся моя концепция как раз и состоит в обосновании права науки выделять такое специфическое среднее звено. Как я старался разъяснить в своей статье, эти существа отличались от

¹¹ О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов и др. Указ. соч., стр. 258.

¹² Я, правда, упомянул, что понятие Homo instinctivus по своему объему «примерно» совпадает с понятием «палеоантроп», но тут же специально разъяснил в примечании, что употребляю термин «палеоантроп» отнюдь не в смысле «неандерталец».

обезьян рядом важных анатомических и физиологических черт, включая сложные новые формы взаимодействия с внешней средой, и в этом, но только в этом, смысле их можно называть людьми. Однако, поскольку они еще лишены самого существенного в определении человека, к слову «люди» тут обязательно прибавляют: инстинктивные, природные, дикие, стадные, первобытные и т. п. А. П. Окладников и П. И. Борисковский пишут: «Б. Ф. Поршнев предлагает вместо термина «первобытный человек» («*Нотто примигениус*») ввести новый термин — «инстинктивный человек» («*Нотто instinctivus*»)»¹³. Я не только нигде этого не предлагал, но и не мог бы предложить, так как, по моему мнению, у Ленина выражения «инстинктивный человек, дикарь» и «первобытные люди» употреблены в тождественном смысле. Нередко в науке термин «первобытный» употребляется и в другом значении — для определения всей доклассовой общественной формации, — но в данном контексте у Ленина это исключается противопоставлением «клановому обществу».

Точно так же не заслужен и упрек по поводу моего пояснения к словам «клановые общества»: «то есть родовое, наидревнейшее общество» (указ. соч., стр. 149—150). Что касается пояснения малораспространенного слова «клановое» синонимом «родовое», то оно не вызывает возражений. Но какое право я имел сказать, что родовое общество было «наидревнейшим»? Насколько мне известно, подавляющее большинство советских специалистов давно отказалось от понятия «древнее родовое общество», и я ничего нового не сказал. Это не значит, что имеется в виду одна из поздних, зрелых форм родовой организации, к числу которых надо отнести не только патриархат, но и матриархат. А. П. Окладников и П. И. Борисковский без всяких оснований пишут, будто, по моему мнению, люди, общество и труд возникли около 30 тыс. лет тому назад, причем общество — сразу в виде материнского рода¹⁴. Если материнский род, точнее, матриархат, по некоторым признакам связывают с верхним палеолитом, то несколько десятков тысяч лет, охватываемые мустьерской эпохой, открывают достаточный хронологический простор для любых гипотез о предшествующих, более низких формах родового общества. Я лично представляю их себе как те или иные примитивные формы так называемой дуальной организации.

Итак, выше перечислены четыре основных ответа на вопрос о начале и конце переходного периода (на четвертом пришлось задержаться больше, поскольку он искажен в печати). Несомненно, что все они пока лишь гипотезы, и победит в конце концов та концепция, которая окажется более обоснованной, а также наиболее полно включающей в себя и то, что есть истинного в других.

Основным оружием научного спора послужат не абстрактные рассуждения и взаимные обвинения, а конкретные исследования. Каждая из концепций опирается на несколько иной круг источников, и прямых и косвенных. Четвертая концепция, как сдвигающая переходный период в более богатые фактическими данными археологические эпохи, имеет в этом преимущество перед другими. Но удастся ли на их основе развить убедительную картину возникновения и первых шагов человеческого общества и человеческого сознания, это покажут положительные конкретные и теоретические исследования.

Однако, чтобы взаимная критика в процессе этого соревнования не была бесплодной, надо со всей ясностью договориться о значении некоторых понятий и терминов: труд, орудия труда, развитие орудий, обще-

¹³ А. П. Окладников, П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 80.

¹⁴ См. там же.

ственные отношения, абстрактные понятия. Ленин, полемизируя с Каутским об империализме, писал: «Спорить о словах, конечно, не умно. Запретить употреблять «слово» империализм так или иначе невозможно. Но надо выяснять точно понятия, если хотеть вести дискуссию»¹⁵. Последуем этому совету. Если даваемые ниже определения понятий и не будут приняты другими, будет по крайней мере разъяснено, какое содержание я в них вкладываю.

Труд. Определение труда как процесса, совершающегося между человеком и природой, недостаточно; не всякая деятельность, направленная на изменение среды, является трудом. Определение труда через сопровождающие его психические процессы, через его субъективную сторону открывает просторы для бесчисленных оттенков в толковании понятия и лишает его определенности. Но имеется объективный признак, отличающий труд от всякой иной жизнедеятельности: труд налично там, где есть не только предмет труда и процесс (или субъект) труда, но и третий элемент — средство или орудие труда. Я вполне согласен с Ю. И. Семеновым, что только такое определение труда следует считать научным, и могу выразить лишь удивление по поводу его упрека, будто я не понимаю этого и стираю грань между трудом и другими формами жизнедеятельности, в частности у животных¹⁶. В действительности наше расхождение с Ю. И. Семеновым, как сейчас увидим, касается определения не труда, а средства или орудия труда. Итак, мы вправе пользоваться понятием «труд» только по отношению к такому воздействию организма на внешнюю среду, где между субъектом и объектом воздействия помещено средство или орудие труда¹⁷. Иными словами, понятие «труд» мы определяем через понятие «орудие». «Труд начинается с изготовления орудий» (Энгельс).

В рамках этого общего определения труд может быть разбит, как показано в моей статье, на две основные формы: а) инстинктивный животноеобразный труд и б) общественный сознательный труд.

Орудия труда. Археологи, изучающие древнейшие орудия, зоопсихологи, изучающие то, что они называют «орудийной деятельностью» обезьян, сплошь и рядом совершают одну и ту же логическую ошибку, предлагая различные определения «орудий». А именно, в качестве признаков общего понятия берутся признаки, присущие данному частному случаю. Скажем, создавая определение орудия, фактически имеют в виду лишь ручные рубила или лишь комплекс каменных орудий палеолита и т. п.; для орудий же другой эпохи или орудий иного характера это определение уже не подходит. Так, А. П. Окладников и П. И. Борисковский, исходя из того, что некоторые древнейшие орудия человека служат как бы продолжением органов его тела, тотчас превращают это наблюдение в критерий для суждения о том, есть ли орудия у животных. «Плотины бобров или желобки дятлов могут быть названы орудиями лишь очень условно, поскольку они вовсе не являются, как у человека, продолжением его собственных органов тела»¹⁸. Но почему авторы полагают, что именно данный признак является решающим для понятия орудий? Ведь, скажем, ловчие ямы или загонные изгороди мудрено объявить продолжением органов человеческого тела, как и сложенную из камней печь или подавляющее большинство современных машин и т. д., хотя все это, несомненно, является орудиями. Словом, критерий для решения общетеоретического вопроса выбран частный, случайный.

В других случаях определение орудий, напротив, предлагается настолько широкое, что в него попадают почти все орудия, но зато и не толь-

¹⁵ В. И. Ленин, Соч. Т. 23, стр. 30.

¹⁶ Ю. И. Семенов, Указ. соч., стр. 143.

¹⁷ Разумеется, в нашей жизни встречаются и такие конкретные виды общественно полезного труда, где это условие отсутствует, но это — уже производное явление от труда в указанном смысле.

¹⁸ А. П. Окладников, П. И. Борисковский, Указ. соч., стр. 81.

ко орудия. Так, Ю. И. Семенов настаивает, чтобы орудиями или средствами труда называли вещи или комплексы вещей, которые служат «проводником воздействия» на объект¹⁹. В таком случае, когда мы дуем на огонь, струя воздуха должна быть признана орудием или средством труда. Что же говорить о камнях, которые медведи или павианы скатывают со скалы на врага! Напротив, станок, верстак, по определению Ю. И. Семенова, не средства труда.

Думается, что единственный способ выбраться из десятков предложенных уже определений такого сорта — это отказаться наконец от кустарничества и обратиться с вопросом, что же такое орудия или средства труда, к специальным наукам, которые этими категориями в общей форме занимаются. Такими науками являются политическая экономия и исторический материализм. Я принимаю следующее даваемое этими науками определение, полученное путем обобщения всех орудий в человеческой истории: орудие производства — это не принадлежащий к органам тела предмет (или комплекс предметов), помещаемый трудящимся между собой и предметом труда и подвергнутый предварительной обработке для механического, физического или химического воздействия на предмет труда или же для устранения воздействий с его стороны.

В связи с этим определением прежде всего важно подчеркнуть, что тем самым политическая экономия и исторический материализм не проводят какого-либо кардинального различия между понятиями «орудия производства» и «средства труда», хотя ставят обычно на первое место среди орудий производства механические средства труда. Сводить общетеоретический вопрос о роли орудий в развитии человека и общества только к механическим средствам труда нет логических оснований.

Далее, из приведенного определения вытекает неправомерность категории «естественные орудия». В определение орудий входит та или иная их искусственная обработка, их «изготовление» (Энгельс). Спорадически, конечно, даже современный, тем более первобытный, человек может воспользоваться булыжником или валяющейся палкой в качестве орудия; изучение нижнепалеолитических местонахождений показывает, что действительно, видимо, использовались и необработанные камни. Но в общем неправомерно говорить о каком бы то ни было труде, хотя бы и животноеобразном, там, где нет изготовления орудий или средств труда, то есть изменения каких-либо элементов внешней среды со специальной целью воздействия ими на другие элементы внешней среды. Понятие «естественные орудия» поэтому аналогично понятию «холодное тепло», а «искусственные орудия» — «масляному маслу».

Если так, должна пошатнуться и вся извлеченная скорее из понятий, чем из фактов, гипотеза²⁰ о целой огромной эпохе в развитии человека, когда тот пользовался еще естественными, то есть не подвергшимися никакой обработке орудиями.

С другой стороны, приняв данное определение орудий, нельзя не при-

¹⁹ Ю. И. Семенов. Указ. соч., стр. 139—143.

²⁰ Основанием этой гипотезы являются несколько расширительно истолкованных слов Маркса о непосредственном овладении предметами, данными самой природой, и присоединении их к органам тела, как первоначальном происхождении средств труда (см. К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 186). В самом деле, было бы совершенно необъяснимо, как могло возникнуть какое бы то ни было изменение элементов природы, если этими элементами сначала не пытались пользоваться в сыром виде. Но это «средства труда» еще в таком же переносном смысле, как и «органы тела рабочего» (см. там же). Главная же мысль Маркса состоит в следующем: «Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда» (там же). Соответственно Маркс отмечает, что уже «на первых ступенях человеческой истории» у «древнейшего человека» роль орудий и оружия играли обработанные камень, дерево, кости, раковины (см. там же).

знать, что и некоторые виды животных имеют орудия. Нетрудно заметить, что Энгельс исходил именно из подобного понимания орудий, когда писал: «И животные имеют орудия в узком смысле слова, но лишь в виде членов своего тела, как это можно утверждать о муравьях, пчелах, бобрах...»²¹. Не представляет труда объяснить, почему Энгельс выбрал именно муравьев, пчел и бобров; об их сооружениях много написано. Эти виды создают искусственные, то есть предварительно обработанные, комплексы предметов, помещаемые между ними и средой (муравейники, соты, гидротехнические сооружения), но являющиеся их постоянными видовыми признаками, как члены их тела, в отличие от человеческих изменчивых орудий.

Кстати, О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов и др. называют такое понимание слов Энгельса «явным передергиванием», так как, по их мнению, Энгельс под орудием бобра подразумевал его зуб, которым тот валит деревья, под орудием пчелы — ее жало. «Иначе понять слова Энгельса нельзя», — прибавляют авторы²². Действительно, с их позиций понять Энгельса невозможно. Они не смогут объяснить, почему Энгельс назвал пчелу, а не, скажем, скорпиона, бобра, а не зайца и т. д., почему вообще Энгельс не сказал: «Все животные имеют орудия в узком смысле — члены своего тела», — а писал, что это можно утверждать о таких-то видах. Известно также, что о животнобразном труде пчелы писал и Маркс, указывая не на ее жало, а на ее восковые ячейки.

Думать, что все животные имеют орудия, было бы неверно. Но список видов, имеющих орудия, конечно, не исчерпывается тремя наиболее популярными примерами, приведенными Энгельсом. Я в своей упоминавшейся статье привел некоторые другие аналогичные примеры из зоологии²³.

Казалось бы, вопрос об орудиях у животных не заслуживает того внимания, какое я ему уделил. Ведь, во всяком случае, орудия животных не занимают сколько-нибудь значительного места в истории органического мира, не играют большой биологической роли. Это всего лишь любопытная деталь в неисчерпаемом многообразии проявлений живой природы. Однако для нашей темы этот вопрос имеет методологическое значение как предупреждение против ложных обобщений. Мы мало положительного извлечем из того же обобщения, что орудия, а следовательно, и труд, налицо не только у человека, но отчасти и у животных. Зато негативное

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 487.

²² О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов и др. Указ. соч., стр. 259.

²³ Пример сооружения дятлами «станочков» для шишек сопровождался в скобках ссылкой: по А. Н. Формозову. Всякому читателю должно бы быть ясно, что ссылка на авторитетного зоолога касается излагаемого зоологического факта, а не моих выводов или сопоставлений с человеческими орудиями. Между тем авторы цитированной статьи взяли на себя неуместную роль. «Утверждая, что у животных существуют орудия, — пишут они, — Б. Ф. Поршневу ссылается на А. Н. Формозова. Мы обратились к А. Н. Формозову по этому вопросу и могли убедиться, насколько он далек от того, чтобы отождествлять «орудия» животных и орудия человека» (там же, стр. 258). Я тоже очень далек от того, чтобы отождествлять их, и уж во всяком случае не делал А. Н. Формозова ответственным за свои сопоставления. Конкретные же различия, указанные А. Н. Формозовым своим интервьюерам, представляются мне неубедительными: дятел, по его словам, выдалбливает «станочек», бобр строит плотину и т. д. из того материала, который они долбят, грызут и т. д. в связи со своим питанием; изготовление же орудий из кремня первобытным человеком нельзя связать с особенностями его питания. Но строительный материал муравьев нередко совершенно не связан с их питанием; бобры используют при строительстве не только древесину, а также песок и ил — словом, данное обобщение отнюдь не имеет всеобщего характера. Нельзя отнести к питанию и те выделения, которые используют при строительстве пчелы или термиты. С другой стороны, и первобытные люди использовали не только кремь, но и кости съедаемых ими животных. Более чем странно и другое противопоставление: воск пластичен, а кремь — одна из самых твердых пород камня; ведь, скажем, сооружения термитов немногим уступают кремню по твердости, да и вообще с помощью таких частных признаков, как твердость, ничего нельзя ни опровергнуть, ни доказать в данном теоретическом вопросе.

его значение велико: нельзя усматривать коренное качественное отличие человека от животных только в наличии орудий и труда. Это предупреждение побуждает мысль идти глубже в поисках качественного отличия, искать его в явлениях не естественно-технического порядка, а социального²⁴.

Ввиду методологического значения данного вопроса подчеркнем еще раз: в моем понимании орудия (в узком смысле) и труд (инстинктивный, животнобразный) у животных встречаются на самых разных ступенях эволюционного древа. Это отнюдь не признак более высокого уровня развития. Труд, то есть пользование орудиями у животных, — одна из бесчисленных встречающихся форм взаимодействия организма со средой. Эта форма — в очень своеобразном (впрочем, как и почти всегда) варианте — была, по-видимому, свойственна и виду животных, из которых произошел общественный человек.

Развитие орудий. Если все же искать принципиальное различие между самими орудиями животных и общественного человека, то мы находим его не в технической плоскости, а в том, что орудия животных неизменно присущи данному виду, а орудия человека имеют историю, развиваются. Эта мысль уже довольно подробно изложена в моей статье и в статье А. П. Окладникова и П. И. Борисковского. «Ульи пчел, плотины бобров, — справедливо пишут последние, — в отличие от человеческих орудий не развиваются, не совершенствуются»²⁵. Однако мы делаем из этого тезиса противоположные выводы. Поэтому понятие развития орудий у человека или понятие неизменности орудий у животных требуется уточнить, сделать более ясным.

Недоразумения неизбежно будут возникать, если понятие неизменности орудий у животных берется безотносительно: 1) к вопросу об анатомо-морфологических изменениях самого вида или внутри его, 2) к вопросу об изменениях его экологических условий.

В самом деле, можно ли утверждать, что все муравьи делали и делают одинаковые муравейники? Нет, всякому известно, что разные виды и подвиды муравьев, различаясь между собой морфологически, различаются также и своими строительными инстинктами. Если отвлечься от их морфологических различий, можно было бы построить целую формальную классификацию разных типов и вариаций муравейников. А если бы муравейники вымирающих или эволюционирующих видов длительно сохранялись в земле (как, скажем, сохраняется кремль), можно было бы установить и смену типов муравейников.

Мы взяли пример грубо наглядный. С ископаемыми гоминидами дело обстоит неизмеримо тоньше. Здесь речь идет преимущественно не о масштабах межвидовых различий, но о более низком классификационном «ранге», о различиях подвидовых и даже еще более мелких. Но все же следует помнить, что на протяжении эпохи нижнего и среднего палеолита менялись не только орудия, за это время в организме, в морфологии гоминид сдвиги и изменения происходили более интенсивно, чем в их орудиях²⁶. Существовали и в одну археологическую эпоху, скажем, среди «мустьерцев», то есть неандертальцев в широком смысле слова, группы, морфологически различающиеся более глубоко, чем различается мустьерский инвентарь.

²⁴ Иногда ссылаются на то, что Маркс процитировал слова Франклина: «Человек — животное, делающее орудия». Но Маркс отнюдь не солидаризировался с этим афоризмом, напротив, он далее его охарактеризовал как типичное для «века янки» (К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 333). Маркс как бы предвидел, что из этого зерна пыльным цветом разовьются на американской почве «инструментализм» в философии и «технологический детерминизм» в социологии. Маркс тут же противопоставляет определению Франклина (а также другому определению Аристотеля) свое: человек по самой своей природе есть животное общественное (см. там же).

²⁵ А. П. Окладников, П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 82.

²⁶ См. Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии, 1955, стр. 314.

А. П. Окладников и П. И. Борисковский возражают на это: «Непосредственную связь между развитием древнейшей техники и физического типа древнейших людей, от питекантропа к неандертальцу, установить нельзя»²⁷. Во-первых, в такой общей форме это утверждение неверно, ибо как раз точно установлено, что, скажем, дошелльская и шелльская техника присуща только обезьяно-людям типа питекантропов и совершенно несвойственна неандертальцам, а мустьерская техника свойственна неандертальцам. Во-вторых, если тут имеется в виду невозможность связать каждый детальный вариант древнекаменной техники с определенным анатомо-морфологическим вариантом ископаемых гоминид, то такое требование было бы неправомерно и практически (ввиду крайней скудости находок костей гоминид сравнительно с находками изделий из камня) и теоретически. Вовсе не обязательно, чтобы связь между морфологическими изменениями и изменениями тех или иных инстинктов поведения носила строго автоматический характер,— эта связь констатируется биологией лишь в крупных масштабах эволюции и систематики. Если зоологи-морфологи классифицируют животных только по их анатомическим различиям, то зоологи-экологи сплошь и рядом выделяют в пределах морфологически однородной группы две или несколько подгрупп по разной манере селиться, строить гнезда и т. п. Все же это чисто зоологические единицы классификации.

Столь же важно не отрывать понятие неизменности орудий животных от вопроса об изменениях природной среды.

Можно ли безоговорочно утверждать, что ульи пчел, плотины бобров неизменны? Оказывается, на реках с тихим течением бобры строят прямую плотину, на более быстрых — дугобразную, на еще более быстрых — углом, выступающим против течения. Они делают это инстинктивно, приспособляясь долгими поколениями, и, может быть, при резком изменении быстроты течения реки населяющие ее бобры просто вымерли бы. Но мы можем представить себе, что течение ускоряется на протяжении длительной эпохи, и в таком случае окажется, что бобры сменили первый тип плотин на второй, затем второй — на третий, то есть в известном смысле «совершенствовались» свои сооружения. Вот другой пример. Один знакомый Уоллеса в юности снес в музей одно из обычных в его городе ласточкиных гнезд, а вернувшись на родину через 40 лет, обнаружил, что птицы за это время стали строить гнезда другой формы, по его мнению, более «совершенные»; хотя ему показалось, что это изменение даже обогнало прогресс городской архитектуры, несомненно, что именно какие-то свойства городских домов, например, штукатурка, потребовали быстрой смены типа гнезда, может быть, отбора лишь одного варианта из числа доступных этим птицам.

Если так, вправе ли мы скидывать со счета специфику «ледниковой эпохи», в которой жили и развивались ископаемые гоминиды? На протяжении четвертичного периода (антропогена) имело место несколько глубоких изменений географической среды — климата, флоры, фауны. Исторический материализм учит нас не считать географическую среду главной причиной общественных изменений, поскольку последние происходят гораздо быстрее изменений географической среды, обычно даже при ее полной неизменности. Иное дело «история» древнейших и древних гоминид в четвертичный период: их орудия менялись отнюдь не быстрее, чем менялась их географическая среда.

Здесь надо подчеркнуть правоту моих критиков, когда они указывают, что орудия не оставались неизменными на протяжении всей шелльской эпохи, что раннешелльские рубила отличимы от позднешелльских, не говоря уже об отчетливых различиях на протяжении ашельской эпохи.

²⁷ А. П. Окладников, П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 83.

Но все это не опровергает, а лишь усложняет и конкретизирует наше представление о дообщественной природе шелльцев и ашельцев: они существовали в такую геологическую эпоху, когда глубокие сдвиги в природе снова и снова нарушали их «экологическую нишу». На древнейших этапах большинство этих существ каждый раз при таких сдвигах вымирало; приспособление оставшихся шло как по линии морфологической эволюции, так и по линии модификации того специфического приспособления в виде каменных орудий, которое они получили в наследие от предыдущей ступени. Нельзя утверждать, что эти модификации во всех отношениях неизменно означают техническое «совершенствование»: мы наблюдаем и регрессы в некоторых отношениях, утрату некоторых, с нашей точки зрения, ценных приемов обработки камня. Все это, очевидно, должно быть объяснено конкретными экологическими условиями.

Но чрезвычайно важно, что в течение плейстоцена модификации обработки камня становятся все более частыми, темп их нарастает, хотя в абсолютных величинах интервалы все равно остаются грандиозно большими. Вряд ли это нарастание темпа можно объяснить только ускоряющимся ритмом оледенений (или плювиальных периодов). Вероятно, тут есть и другая причина: каждая новая модификация, очевидно, все более мешала глубокому наследственному закреплению данной инстинктивной формы поведения, то есть все более облегчала возможность следующей модификации уже без вымирания большинства особей. Ледниковый период шаг за шагом расшатал прежде неразрывную связь эволюции орудий с эволюцией вида; в результате этого к концу его сложилась возможность эволюции орудий при неизменности вида.

Но только возникновение общества окончательно превратило эту возможность в действительность. Общество дало толчок эволюции орудий при неизменности не только вида, но и среды.

Общественные отношения. Общество есть система общественных отношений. Марксистская теория делит последние прежде всего на две большие группы: базис и надстройку. Общества нет там, где нет обеих этих групп отношений, находящихся в определенной причинной зависимости между собой.

Общественные отношения, составляющие базис, называются производственными отношениями. Вопрос о возникновении общества есть прежде всего вопрос о возникновении производственных отношений. Нельзя представить себе иного понимания проблемы возникновения общества с точки зрения марксизма.

Однако ни в статье О. Н. Бадера, А. Я. Брюсова и др., ни в статье А. П. Окладникова и П. И. Борисковского, где авторы легко допускают обвинения в «пропаганде взглядов, чуждых марксизму», ни разу даже не встречается коренное марксистское понятие «производственные отношения». Трудно понять, возникновение чего же именно собираются объяснять авторы. А. П. Окладников и П. И. Борисковский упоминают в одном месте о появлении вместе с первыми естественными орудиями «социальных связей»²⁸. Но этот термин крайне неопределен. Экономическая категория «отношение» отнюдь не сводится к «связям»: отношение включает в себя и обратное явление, ограничение связи, относительную независимость, что проявляется прежде всего в любой форме собственности. И обратно, не всякие связи являются экономическими отношениями: например, технические связи в процессе труда марксизм не относит к производственным, общественно-экономическим отношениям.

В этой связи надо указать на неудовлетворительность одной формулировки в моей упомянутой статье «Материализм и идеализм в вопросах становления человека». А именно, я писал, что было бы «крайним упрощением» называть производственными отношениями отношения между

²⁸ См. там же. стр. 78.

участниками загонной охоты или какого-либо другого коллективного производственного процесса. Термин «упрощение» тут ошибочен: критикуемый мною взгляд является не упрощением, а богдановско-бухаринским искажением исторического материализма. В настоящее время эту фальсификацию усиленно выдают за марксизм наши «кригики» в США, призывающие заменить марксизм «технологическим детерминизмом» на том основании, что-де и по Марксу производственные отношения сводятся к отношениям технологическим, к организации производства. Но Ленин разъяснял, что производственными отношениями называются общественные отношения людей «по производству»²⁹. Отношения же людей в производстве, вроде взаимосвязи и разделения труда в первобытной загонной охоте, как и на современной фабрике, входят в характеристику не производственных отношений, а производительных сил данного общества. Смешивать то и другое, подменять вопрос о производственных отношениях производительными силами («организацией», «расстановкой» людей), как делали Богданов и Бухарин, для марксиста непростительно.

Понятие производственных отношений охватывает три основные группы явлений: 1) отношения собственности на средства производства, 2) взаимоотношения и обмен своей деятельностью разных групп людей, занимающих различное положение в производстве, 3) отношения распределения произведенных благ. Первая группа явлений — та или иная форма собственности на средства производства — служит глубочайшей основой всякой данной системы производственных отношений, а вторая и третья целиком предопределяются ею и вытекают из нее. Вне той или иной формы собственности не существует никакого общественного производства, никаких производственных отношений.

Исходя из такого определения производственных отношений, я вижу центральную задачу, когда дело идет о возникновении общества, в анализе условий зарождения коллективной собственности на средства производства.

Поэтому я подчеркивал, что пока изготовление любого орудия было доступно любому индивиду в отдельности, собственность на средства производства, по-видимому, еще не могла возникнуть. Напротив, появление сложных, составных орудий или отдельно изготавливаемых орудий для производства других орудий позволяет допустить, что тут не всегда участвовала лишь одна пара рук. А раз средство производства не может быть свободно воспроизведено любым индивидом, то налицо уже зачаточное основание для возможности возникновения тех или иных ограничений свободного распоряжения им. Следовательно, можно уже пытаться исследовать, при каких условиях и как соединяются два основных элемента производительных сил — человек и средства производства.

А. П. Окладников и П. И. Борисковский приписывают мне новое определение труда: человеческий труд предполагает разделение труда³⁰. Я не давал вообще никакого определения труда. Речь не шла нигде и о разделении труда. Очевидно, А. П. Окладников и П. И. Борисковский смешивают понятия разделение труда и соединение труда. Я писал о том, что на определенном этапе истории изготовления орудий начало операции значительно удаляется от конечной цели и, следовательно, в этих операциях может участвовать уже не один человек, а несколько, — иными словами, речь шла о возможности соединения труда.

Приведенные мною археологические иллюстрации вызвали в обеих указанных статьях целую серию опровержений и разъяснений: что палеолитические орудия изготовлялись обычно не специальными орудиями, а такими, которые и сами служили для других производственных целей³¹;

²⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 40—41.

³⁰ См. А. П. Окладников, П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 83.

³¹ См. там же.

что в нижнем палеолите орудия изготовлялись не голыми руками, а отбойниками и другими приспособлениями³². Отчасти этими учеными справками мои критики разят друг друга, но меня не задевают нисколько. Я писал только о том, что на определенном этапе появляется искусственное изготовление таких орудий, которые предназначены «специально» (как у меня сказано) для изготовления других орудий и вне этого употребления бесполезны (стр. 152). Археология знает такие орудия, и только о них тут идет речь.

Главное же состоит в том, что эти мои беглые замечания об усложнении процесса производства орудий начиная с середины мустье были призваны вовсе не отличить «человеческий труд» от орудий животных, как изображают критики, а подвести к очень тонкой задаче: фиксировать наиболее ранние признаки, когда в самих орудиях появляется хоть малейшая возможность превращения их в объект собственности — в такую вещь, к распоряжению которой можно человека при известных условиях не допускать, поскольку он уже не всегда сможет вместо одной тотчас сам изготовить себе такую же другую вещь. Однако я совсем не касался в указанной статье самого важного: какие причины превратили возможность в действительность, как и почему возникла коллективная собственность на средства производства, в чем она выразилась.

Абстрактные понятия. Кажется, самой сердцевиной наших споров, хотя и скрытой, являются психологические проблемы. Каждый в конце концов отстаивает то мнение о происхождении и сущности человеческого сознания, которое считает правильным. Именно эта сторона дела придает спорам наибольшее ожесточение. Но в научном отношении именно она наименее аргументирована.

Мои оппоненты, как археологи, так и антропологи³³, сходятся на том, что сложность орудий может служить доказательством наличия у их создателей определенного образного представления или даже абстрактного понятия. Поэтому приложено особенно много усилий для доказательства того, что нижнепалеолитические орудия были многообразнее и сложнее, чем я их представил. В результате мое крайне схематическое изложение дополнено рядом важных усложняющих картину черт. Однако усилия эти кажутся мне напрасными, ибо ошибочно само умозаключение от «сложности» вещественного результата к участию понятий и т. п. «Сложность» — категория сравнительная, а не абсолютная. Допустим, что набор нижнепалеолитических орудий действительно сложнее, то есть потребовал более сложной цепи действий, подчиненных конечной задаче, чем, скажем, комплекс гидротехнических сооружений бобра или какое-нибудь замысловатое птичье гнездо. Но как доказать, что именно тут проходит граница сложности, требующая уже принципиально нового психического механизма? Или, может быть, надо считать, что и бобром и птицей руководят абстрактные понятия, но только менее развитые соответственно меньшей сложности их продукции?

Я исхожу из совершенно иных представлений в этом вопросе. Возникновение понятийного мышления, по моему мнению, невозможно объяснить в плане прямолинейного эволюционного усложнения взаимодействия между организмом и средой. Его истоки лежат в новых отношениях между индивидами, а не в отношениях индивида к природе. Это не какая-либо другая проблема наряду с проблемой возникновения общества, а другая сторона той же самой проблемы. Речь возникла прежде всего как проявление и средство формирующихся общественных отношений: средство людей воздействовать на взаимное поведение в отношении друг друга. Лишь очень постепенно эта «надбавка» к первой сигнальной системе распространилась и на сферу предметных действий (или, как иногда говорят,

³² См. О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов и др. Указ. соч., стр. 257.

³³ См. Я. Я. Рогинский, О некоторых общих вопросах теории антропогенеза.

предметного мышления), то есть на отношения каждого индивида к природе, став речью-мышлением. До того предметные действия (предметное мышление) оставались на уровне первой сигнальной системы и соответственно не опосредствовались ни представлениями, ни абстрактными понятиями. Это не исключает огромной степени сложности и системности таких действий. В дальнейшем начинается очень сложный процесс всестороннего и неодолимого корректирования этих зачатков речи трудовой практикой и наоборот, то есть начинается развитие понятийного мышления, познания.

В таком подходе к проблемам палеопсихологии я в немалой мере опираюсь на труды по генетической психологии, принадлежащие перу двух крупнейших психологов-марксистов нашего времени: Л. С. Выготского³⁴ и А. Валлона³⁵. Это не значит, что я полностью разделяю взгляды указанных авторов, но, по моему мнению, их исследования являются тем современным словом передовой науки, которое может служить исходным пунктом для дальнейшего углубления в проблему. Весьма полезны для этой цели, по моему мнению, и труды Ж. Пиаже по психологии ошибочного мышления.

Переход количественных изменений в качественные. Обнаружились расхождения и в понимании этого вопроса материалистической диалектики: как совершается вообще переход от одного качества к другому, в частности от одной формы движения к другой. Некоторые из моих критиков, по-видимому, сводят этот вопрос только к количественному нарастанию нового качества от слабых зачатков до полного раскрытия и вытеснения им старого качества, то есть к вопросу о борьбе нового и старого, о неодолимой победе нового над старым. Это, несомненно, важная сторона вопроса о развитии нового качества. Учитывать ее необходимо, когда уяснены конкретные причины зарождения хотя бы слабых зачатков нового качества. Но уклоняться от выяснения этих причин, ссылаясь на диалектику, нельзя.

Как возникли хотя бы зачатки нового качества? Из еще меньших зачатков? А те из еще меньших? Но это не диалектика, а эволюционизм, избегающий ответа с помощью ссылки на «постепенность». Однако с таким же успехом можно пытаться избежать ответа на вопрос, откуда взялся ребенок, ссылкой на то, что он развился «постепенно».

Не лучше, если наука ограничивается констатацией: до такого-то рубежа зачатков нового качества нет, с этого момента они налицо и развиваются далее. Здесь тоже обходится вопрос о причинах появления нового качества.

Марксистский диалектический метод в вопросе о переходе количества в качество отнюдь не исключает рассмотрения и того, как накапливаются количественные элементы не нового качества, а какого-либо свойства старого качества; рост этого свойства имеет свой предел, после которого неизбежен скачок — изменение уже не только этого свойства, а всего старого качества, всей старой структуры, или возникновение в ее недрах «кристалла», зародыша нового качества. Это, конечно, вовсе не означает взрыва. Таким путем нередко раскрывается подлинная тайна зарождения нового качества. После этого можно рассматривать и накопление элементов нового, его созревание, развитие.

Из четырех рассмотренных выше концепций переходного периода между животными и общественным человеком первые три как раз и не ставят задачу дать причинное объяснение зарождения нового качества. Они лишь констатируют, что новое качество зародилось с того момента, как а) обезьяны типа австралопитеков стали употреблять естественные

³⁴ Л. С. Выготский. Мышление и речь. «Избранные психологические исследования». М. 1956.

³⁵ А. Валлон. От действия к мысли. М. 1956.

орудия, или б) эти обезьяны или обезьяно-люди стали изготавливать искусственные орудия, или в) у антропоморфных обезьян возникла отличная от рефлекторной деятельности «исследовательская деятельность». Вся задача тут сведена к тому, чтобы новое качество редуцировать до самого крохотного зернышка, из которого потом все развилось. Но каковы причины появления этого волшебного зернышка? У этого порога фактически все три концепции останавливаются, если не считать самых общих ссылок на эволюцию, на постепенность. Тут и не возникает задача подвергнуть пристальному изучению именно старое качество непосредственно накануне зарождения нового, чтобы открыть в нем конкретные причины и конкретный механизм возникновения этого зернышка.

Иное дело, если мы рассматриваем животноеобразный труд, пользование орудиями, даже известную эволюцию орудий как свойство, присущее еще старому качеству — миру дообщественных закономерностей. В таком случае можно со всей конкретностью исследовать накопление изменений этого свойства, его количественный рост до того порога, когда количество переходит в качество, то есть появляется зачаток совершенно нового, социального качества. А отсюда начинается уже переходный период — история борьбы нового и старого.

В заключение не могу не выразить самого энергичного протеста по поводу полемических приемов А. П. Окладникова и П. И. Борисковского. Поясню это тремя примерами.

1. В моей статье было упомянуто, что в известном исследовании В. В. Бунака «Происхождение речи по данным антропологии» доказано, что положение гортани и строение нижней челюсти у древних гоминид (а также малое развитие связанных с речью областей мозга) исключают возможность той артикуляции, той фонетической деятельности, которая образует нашу членораздельную речь (стр. 154). А. П. Окладников и П. И. Борисковский пишут: «Любопытно, что В. В. Бунак в той самой статье, на которую ссылается Б. Ф. Поршнев, утверждает прямо противоположное тому, что ему приписывает Б. Ф. Поршнев»³⁶. Прямо противоположное — это значит, что якобы, по В. В. Бунаку, у древних гоминид была членораздельная речь. Но желающие могут убедиться, что данное мною выше резюме точно передает вывод первой части статьи В. В. Бунака. Во второй части автор сделал попытку показать на основании уже не столько антропологических, сколько косвенных аргументов, что питекантропы, синантропы и неандертальцы могли обладать какой-то еще нечленораздельной речью. Я не обошел молчанием и этой части статьи и сказал, что, по моему мнению, в этой части она выходит за рамки точных научных фактов, ибо наука ничего не знает о нечленораздельной речи, тогда как негативный вывод бесспорен: палеоантропы не имели членораздельной речи (см. там же). Итак, я добросовестно сообщил читателю об обеих частях статьи В. В. Бунака и не дал ни малейшего повода для брошенного мне обвинения.

2. А. П. Окладников и П. И. Борисковский мимоходом перечеркнули мои многолетние исследования о древнейшем способе получения огня. «Отстаиваемая Б. Ф. Поршневым концепция, — пишут они, — не является новой. Эта концепция заимствована им в готовом виде от этнологов католической, так называемой культурно-исторической школы»³⁷. В действительности ни у одного из католических этнологов, ни у одного представителя культурно-исторической школы нельзя найти не только «в готовом виде», но даже и отдаленнейшего подобия данной концепции про-

³⁶ А. П. Окладников, П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 82.

³⁷ Там же, стр. 84.

исхождения огня. Критики не смогли ничем подтвердить свое вымышленное обвинение. Они обошли молчанием, что в своей второй статье по вопросам получения огня, «Новые данные о высекании огня», я подверг критике последнюю работу, вышедшую из кругов культурно-исторической школы, книгу Лагеркранца «Методы добывания огня в Африке» (1954), где как раз отрицается возможность высекания огня двумя кремнями, отрицается автохтонность высекания металлом и все внимание предвзято сосредоточено исключительно на добывании огня трением³⁸. А. П. Окладников и П. И. Борисковскому должно быть известно, что упомянутая школа вообще сомневается в возможности выяснить древнейший способ добывания человеком огня. Если некоторые ее представители в связи с этим выражали сомнение относительно общепринятого взгляда, что трение, а не высекание является древнейшим способом, то А. П. Окладников и П. И. Борисковский умалчивают, что у этих авторов речь идет вовсе не о том, на чем построена моя концепция: они имеют в виду только высекание огня ударами куском руды (железного или серного колчедана) по куску кремня, а отнюдь не высекание без помощи руды — кремнем по кремню. Хотя отдельные факты высекания кремнем по кремню и зарегистрированы зарубежными этнографами, из этих единичных фактов никем не сделано никаких обобщающих выводов. Приоритет в постановке широких наблюдений над фактами этого рода и в разработке данного вопроса принадлежит советским авторам — М. С. Андрееву и мне. П. И. Борисковскому как специалисту в вопросе о древнейших способах получения огня, конечно, все это известно, и он прекрасно знает, что в действительности нет ни малейших оснований говорить о заимствовании мною «в готовом виде» концепции у католических этнологов.

Столь же недопустимым приемом полемики является передача в нарочито карикатурном виде моих взглядов на древнейшие этапы освоения огня, вроде того, что «палеоантроп равнодушно смотрел на непрерывно тлеющую или горевшую подстилку своего гнезда»³⁹. При этом сопровождающие слова «совершенно невероятно, например, утверждение о том...» должны создать у читателя впечатление, будто авторы объективно передают мою мысль. Надо ли объяснять, что ничего подобного я не писал: речь шла о том, что возникавшее изредка от искры тление обычно затрагивало лишь микроскопический участок подстилки и тут же прекращалось само собой, без всякого тушения, поэтому и не требовало от палеоантропа особой активности, самое большее, он мог придавить чем-нибудь тлеющую искру⁴⁰.

А. П. Окладников и П. И. Борисковский ставят под сомнение также и мои экспериментальные работы по высеканию огня. Нет ни возможности, ни необходимости воспроизводить здесь и опровергать их сходные полемические приемы и по этому вопросу.

З. А. П. Окладников и П. И. Борисковский подвергли критике и мой устный доклад «Тешик-гашский человек и его биотическая среда». В науке вообще не очень принято подвергать критике в печати еще не опубликованные работы, и уж, во всяком случае, при этом требовалась повышенная корректность. А. П. Окладников и П. И. Борисковский, напротив, изобразили мой доклад в искаженном виде.

Полагаю, что такие полемические приемы только мешают плодотворному научному спору.

³⁸ «Краткие сообщения Института этнографии». Вып. XXIII. 1955.

³⁹ А. П. Окладников, П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 85.

⁴⁰ «О древнейшем способе получения огня». «Советская этнография», 1955, № 11, стр. 17.